

Валентин Гефтер, Сергей Давидис

31.10.2013, 12:43 Москва

РЕПОРТАЖ

Кого считать политзаключенным: новые критерии

В Независимом пресс-центре состоялась презентация краткого документа, призванного в какой-то степени определить значение понятия «политический заключенный» в новых реалиях.

Сейчас политических статей в российском Уголовном кодексе в привычном советском смысле нет, а те, которые могли бы претендовать на это звание (как минимум «экстремистские статьи» 280, 282, 282.1, 282.2, а также родственная им 213 о хулиганстве, в части, касающейся наличия мотива вражды), сформулированы расплывчато и невнятно, так что по ним можно посадить человека, политической деятельностью не занимающегося. Тем не менее факты политического преследования, включая лишение свободы, очевидны. В связи с этим различные

организации время от времени предлагают новые критерии и понятия. Важное значение имела **резолюция ПАСЕ**, принятая в октябре 2012 года, однако ее в силу краткости довольно сложно применять на практике. В течение последних нескольких лет группа правозащитников из стран Восточной Европы и Южного Кавказа, опираясь на рекомендации экспертов Совета Европы (которые стали основой и для резолюции ПАСЕ), выработывала международные критерии признания политзаключенными, которыми послужили чем-то вроде инструмента для правозащитного сообщества и широкой общественности, хотя бы отчасти претендующего на универсальность. Россию в этой группе представляли директор Институт прав человека Валентин Гефтер и член Совета Правозащитного центра «Мемориал», руководитель программы «Поддержка политзаключенных и преследуемых гражданских активистов» Сергей Давидис. В результате работы группы было подготовлено **«Руководство по определению понятия «политический заключенный»**.

Как рассказал на пресс-конференции Валентин Гефтер, в соответствии с традицией, заложенной «Amnesty International», политзаключенных можно разделить на две категории. Первая — это те, кого вышеупомянутая организация традиционно называет узниками совести, то есть люди, преследуемые исключительно за легитимную и мирную деятельность, в том числе деятельность, направленную на защиту прав и свобод граждан. Преследование этих политзаключенных следует прекращать, их самих освобождать, реабилитировать, возмещать им нанесенный ущерб. Вторая категория — это лица, которые, может быть, и нарушали закон, и даже совершали какие-то уголовные преступления, но в действиях властей в отношении них прослеживаются политические мотивы, а кроме того, имеет место нарушение их прав: например, лишение свободы (под

лишением свободы в соответствии с рядом международных документов, в частности, с Факультативным протоколом к Конвенции ООН против пыток, понимается не только заключение под стражу в рамках расследования уголовного дела и тюремный срок, но и задержание по административному делу, а также домашний арест) было применено в нарушение права на справедливое судебное разбирательство, доказательства инкриминируемого преступления были сфальсифицированы, событие или состав преступления отсутствовали (или его совершил другой человек), продолжительность или условия лишения свободы неадекватны правонарушению, преследование ведется избирательно в отношении данного лица по сравнению с другими лицами. Судебные решения и принятые против этих людей меры следует пересмотреть при соблюдении права на справедливое судебное разбирательство и устранении нарушений. Разумеется, для признания их политзаключенными необходимо, чтобы имели место и политический мотив власти, и какое-либо из нарушений прав, причем существенных (понятно, что в нашем судопроизводстве без каких-либо нарушений редко обходится и самое рядовое дело). Политические мотивы в «Руководстве» описываются довольно общо, и соавторы сами это признают: под политическими мотивами предложено понимать «реальные основания неприемлемых в демократическом обществе действий или бездействия правоохранительных и судебных органов, иных субъектов властных полномочий, направленных на достижение хотя бы одной из следующих целей: а) упрочение либо удержание власти субъектами властных полномочий; б) недобровольное прекращение или изменение характера чьей-либо публичной деятельности». Естественно, различных видов проявления политических мотивов при преследовании очень много, и все не перечислишь. Однако представляется, что в «Руководстве» следовало бы уделить этому аспекту

несколько больше места, поскольку, в конечном счете, без политического мотива в большинстве случаев никакого политического преследования не было бы.

Понятно, что в реальности бывает сложно отделить одну категорию от другой. В настоящее время среди людей, которых признал политзаключенными Правозащитный центр «Мемориал» (критерии «Мемориала», выработывавшиеся в течение многих лет, во многом схожи с критериями, содержащимися в «Руководстве»), есть те, кто находится в пограничной ситуации. Это ученые **Евгений Афанасьев** и **Святослав Бобышев**, преследуемые за распространение информации, но официально обвиненные в государственной измене, так что если какие-то технические нарушения с их стороны и были допущены, к официальному обвинению это отношения не имеет. Кроме того, это Надежда Толоконникова и Мария Алехина, деяние которых тянет максимум на административное правонарушение, однако оно использовалось как повод, чтобы посадить их по уголовной статье.

Важным нововведением, содержащимся в «Руководстве», является положение о невключении определенной категории лиц, подвергающихся преследованию по политическим мотивам с очевидными нарушениями, в число политзаключенных. Это люди, совершившие насильственные преступления против личности (не считая случаев, когда насилие применялось в качестве самообороны или ответных действий), призывавшие к насилию по мотивам ненависти и вражды, либо совершавшие насильственные действия, направленные на упразднение прав и свобод. Этот пункт, по мнению соавторов «Руководства», было необходимо внести потому, что поскольку понятие «политический заключенный» позитивно окрашено в общественном сознании, у многих возникает желание объявить политзаключенными какого-нибудь своего союзника,

подвергающегося преследованию с нарушениями. Критерии вырабатываются, в том числе, и для того, чтобы каждый раз, когда поступает информация о политзаключенных, не нужно было подробно изучать все уголовные дела во всех странах, чтобы было понятно, о каких людях должна идти речь и надо ли их защищать. С другой стороны, для того, чтобы удостовериться в том, что человеку вменяют в вину преступление, которое совершил кто-то другой или которое не имело места, или доказательств в совершении которого данным лицом нет, все равно необходимо подробно и глубоко изучить дело. То же касается и невключения ряда лиц в число политзаключенных: чтобы убедиться, что эти лица действительно совершали серьезные насильственные преступления или призывали к насилию по мотивам ненависти и вражды, разумеется, недостаточно прочесть приговор — нет нужды объяснять, что дело могло быть сфальсифицировано, в конце концов, и в списке «Мемориала» такие дела упоминаются (например, дело [Даниила Константинова](#)). Конечно, правозащитники не всегда обладают всей информацией по делу, которая есть у органов следствия и прокуратуры. В частности, и для таких случаев необходима формализация процедуры.